

Как в холеру тащат мертвецов:
Холод, голод, сырые жилища –
Не робей, Варсонофий Петров!.. (4 : 185)

Связующий характер мотивов стихотворений цикла усиливает их экспрессию до «наращения смысла». Мотив похорон в этом аспекте становится как бы финальным, кульминационным, предтечей апокалипсиса.

Всё сливается, стонет, гудёт,
Как-то глухо и грозно грохочет,
Словно цепи куют на несчастный народ,
Словно город обрушиться хочет (4 : 185).

Финал этого стихотворения, как и всего цикла. – открытый. Это соответствовало особенностям времени его создания – ожиданию реформ, которые воспринимались как необходимые.

Из предложенного анализа можно сделать вывод о том, что конкретные образы составляющих его стихотворений имеют двойную природу. С одной стороны, они фабульны. С другой – связаны с историческим временем, т. е. выполняют и сюжетную функцию. Благодаря этому цикл выражает сверхзадачу – показывает усугубление со временем результатов петровских преобразований и необходимость новых реформ.

Библиографический список

1. Антонов Б. И. Мосты Санкт-Петербурга. СПб., 2002.
2. Библиотека для чтения. 1858. № 5, май – июнь. Литературная летопись.
3. Библиотека для чтения. 1858. № 11–12, ноябрь – декабрь. Смесь.
4. Некрасов Н. А. Полн. собр. соч.: в 15 т. Т. 2. Л., 1981.
5. Никитенко А. В. Дневник: в 3 т. М., 1955–1956. Т. II.
6. Отечественные записки. 1858. № 6. Смесь.
7. Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (С.-Петербург). Т. XXXII. СПб., 1901.

В. С. Белова

*Костромской государственной
университет им. Н. А. Некрасова*

О ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОМ СМЫСЛЕ «СТИХОТВОРЕНИЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ РУССКИМ ДЕТЯМ» Н. А. НЕКРАСОВА

Глубокий интерес к детям, жизни и судьбе молодого поколения России, свойственный Н. А. Некрасову, проявился уже в ранних произведениях поэта. Одно из первых своих произведений, пьесу «Юность Ломоносова», он написал, как предполагают исследователи, для мальчиков – учеников пансиона Г. Ф. Бенецкого, где служил учителем-гувернером (3 : VI : 652). В этой пьесе Некрасов рассказал детям о том, что было очень близко ему самому: о горячем стремлении к зна-

ниям, науке одаренного мальчика, выходца из народа, подвиге, который он совершил ради того, чтобы поступить в университет. Лично пережитое отчетливо звучит во многих стихах пьесы:

Трудов немало перенес я:
Нередко даже голодал,
С людьми боролся и с судьбою,
Дороги сам себе искал (VI : 20).

К этой же теме Некрасов обратился в замечательном стихотворении «Школьник». Здесь он вновь упомянул о Ломоносове – в утешение и назидание герою стихотворения, крестьянскому мальчику, который шагает по проселочной дороге в школу, невзирая на крайнюю бедность, отсутствие самых необходимых для учения вещей и условий:

Ноги босы, грязно тело,
И едва прикрыта грудь...
Не стыдися! что за дело?
Это многих славных путь.
.....
Скоро сам узнаешь в школе,
Как архангельский мужик
По своей и Божьей воле
Стал разумен и велик (4 : 75–76).

За вполне конкретно изображенной ситуацией встречи поэта с крестьянским мальчиком, стояло, конечно, более широкое содержание – мысль о том, что потребность в грамотности, знаниях, интерес к науке были присущи не только ярким, выдающимся личностям из народа, но, по представлению Н. А. Некрасова, буквально «жили» в нем. Характерна в этом смысле деталь: отец мальчика в «Школьнике» не только не противодействует сыну, как в «Юности Ломоносова», но отдает ему все, что только может:

Знаю: батька на сынишку
Издержал последний грош.

Знаю, старая дьячиха
Отдала четвергачок,
Что проезжая купчиха
Подарила на чаек (там же).

Мысль о необходимости просвещения народа, крестьянских детей, выразившаяся в творчестве поэта, побудила его к практической деятельности, имевшей целью издание и распространение в народе произведений для народного и детского чтения. С этой целью он совершил ряд поездок во Мстёру – центр тогдашней торговли иконами и лубочной литературой, познакомился с офенями и коробейниками, затем – с местным книготорговцем и владельцем типолитографии Иваном Александровичем Голышевым, попытался через них наладить выпуск и распространение в народе так называемых «красных книжек», в состав которых вошло и стихотворение «Школьник».

Можно предположить, что впечатления, полученные Некрасовым во время поездок во Мстёру, знакомство с офенями способствовали возникновению замысла одного из стихотворений, посвященных русским детям, – «Дядюшка Яков». Основания для такого предположения дает рукопись поэмы, где против слов:

Под наши густые, старинные вязы
 На отдых тянуло усталых людей.
 Ребята обступят: начнутся рассказы
 Про Киев, про турку, про чудных зверей (II : 118) –

карандашом на полях записано: «По грушу! По грушу!», а в конце: «У дядюшки у Якова Сбоина макова Больно лакома» (см. об этом: I : 7). Как считают исследователи, эти слова впоследствии были развернуты в стихотворение «Дядюшка Яков», равно как здесь же (на полях) записанные слова «Ходебщик с медведем» впоследствии были развернуты в стихотворение «Генерал Топтыгин» (см. там же).

Очевидно также и то, что «зерном» замысла будущих детских стихотворений явились не только впечатления, полученные во время поездок во Мстёру, странствий по родному краю, но и память о собственном детстве, дружбе с крестьянскими детьми, размышления о их судьбе – все то, что отразилось в поэме «Крестьянские дети». Её сюжет и образы: само «место» действия, проселочная, а затем «большая», столбовая, дорога, герои, «рабочего звания люди», их занимательные и поучительные рассказы («У нас был Вавило, жил всех побогаче, Да вздумал однажды на Бога роптать...» (4 : 131), задушевные ноты в обращении к ребенку, умиление как состояние души лирического героя, наконец, сам «масштаб», перспектива «вечности», в которой автору видится детство («на то вам и красное детство дано, чтоб вечно любить это скудное поле»), – все это, безусловно, предвдвывает специально написанные Некрасовым позднее стихотворения для детей. Но прежде чем наметившиеся в «Крестьянских детях», этой жемчужине некрасовской лирики, мотивы получили свое дальнейшее развитие, поэту предстояло еще многое пережить и передумать, воплотить в слово и действие.

Как известно, еще в 1859 году Некрасов задумал основать в родных ярославских местах начальную школу для обучения крестьянских детей. Он начал по этому поводу переписку со священником Благовещенской церкви в Абакумцево Иваном Григорьевичем Зыковым (2 : 138). В январе 1861 года Некрасов написал «Прошение» на имя директора Ярославского Демидовского лицея с тем, чтобы «открыть в приходе <...>, в селе Абакумцево <...> училище для обучения крестьянских детей грамоте, необходимой каждому крестьянину как для домашнего обихода, так и для лучшего уразумения христианских понятий и обязанностей <...>» (там же). Получив (после долгих проволочек) разрешение сначала открыть школу в доме местного дьячка, а затем – построить новое здание школы, Некрасов поручил строительство и организацию школы И. Г. Зыкову, постоянно переписываясь с ним, сам закупал необходимые для школы учебные пособия, азбуки и буквари, вносил деньги на строительство и содержание школы (7 : 139). По имеющимся данным, все мужское население села Абакумцево и наполовину женское прошло через эту школу (6 : 31).

Попечение о школе для крестьянских детей, общение со священником, переписка с ним, несомненно, оставили свой след в сознании поэта, возможно, подтолкнули его к непосредственному обращению к детям с целым рядом стихотворений, объединенных по смыслу и форме, – «Стихотворений, посвященных русским детям».

Неким импульсом к написанию стихотворений, очевидно, явилась встреча с детской писательницей, а также издателем детского журнала «Игрушечка» Александрой Николаевной Якоби весной 1867 года в Риме. Судя по переписке с А. Н. Якоби, поэт сразу же отзывался на ее просьбы прислать что-либо для детей. Так, для предпринятого по ее инициативе сборника «Нашим детям» Некрасов послал одно из лучших своих стихотворений «Накануне Светлого праздника» (III : 442).

Ясно также и то, что предложения и просьбы А. Н. Якоби легли на готовую почву. Уже первое детское стихотворение «Дядюшка Яков», которым открывалась новая страница некрасовской лирики, подтверждало, что оно родилось в общении с русской деревней, выросло из встреч на проселочных и больших дорогах, наблюдений и размышлений. Так, герой первого детского стихотворения – деревенский торговец, офеня. Он прекрасно знает нужды деревни (его тележка – настоящий «дом»), свой товар везет прямо на поле, задорно и весело «зазывая» покупателей:

Ситцу хорошего –
Нарядно, дешево!
Эй! молодежи!
Красны девицы,
Тетушки, сестры!
Платочки пестры,
Булавки востры,
Иглы не ломки,
Шнурки, тесемки!
Духи, помада,
Все – чего надо!.. (III : 96)

Дядюшка Яков некорыстолюбив, за свой труд довольствуется самой скромной платой («Дай ему свеклы, картофельку, хрену...»), рад утешить своих земляков, особенно детей:

Он тебе все, что полюбится, – на!
.....
Смех на какого-то Кузю печального:
Держит коня перед носом сусального;
Конь – загляденье, и лаком кусок...
Где тебе вытерпеть? Ешь, паренек! (Там же.)

Детям же предназначен и самый «главный» товар дядюшки Якова – книги, буквари:

Для ребятешек,
Тимошек, Гришек,
Гаврюшек, Ванек...

Букварь – не пряник,
 А почитай-ка,
 Язык прикусишь...
 Букварь не сайка,
 А как раскусишь,
 Слаще ореха!
 Пяток – полтина,
 Глянь – и картина!
 Ей-ей, утеха! (III : 97)

В финале стихотворения дядюшка Яков дарит букварь сиротке Феклуше. Этим поступком, как и всем своим обликом, на наш взгляд, дядюшка Яков напоминает не столько мстерских офеней и коробейников, сколько местного книготорговца из крестьян Ивана Александровича Гольшева, отличавшегося любовью к родному краю, горячей заинтересованностью в просвещении своих земляков, их детей, для которых (а именно, для девочек) он открыл рисовальную школу (5 : 79–80), и самого поэта. По свидетельству близких поэта, свое попечение о школе для крестьянских детей он не оставлял, даже будучи тяжело больным (7 : 80).

Первоначально своего героя Некрасов определил как христианина. В черновом варианте стояло: «Бог ему дал хри<стианскую> [некорыстную] душу». В окончательном тексте это определение снято, возможно, как слишком прямолинейное. Оно заменено другим: «Бог, видно, дал ему добрую душу» (III : 324). Но все содержание стихотворения свидетельствует о том, что поэт дает детям понятие о добре именно в его христианском смысле – как сострадание, милосердие, любовь.

В стихотворении «Пчелы», написанном вслед за стихотворением «Дядюшка Яков», поэт развивает наметившуюся здесь тему и мотивы. И здесь речь идет о сострадании, помощи попавшим в беду кормильцам деревни – пчелам. Они залетают в лес, но, нагруженные нектаром, не имеют сил перелететь через залитый весенним половодьем луг, вернуться назад. Крестьяне не могут ума приложить, как помочь пчелам. Спасительный совет – поставить вешки до леса, подал прохожий, который шел «под Благовещенье» мимо деревни и стал свидетелем беды, постигшей ее. В стихотворении «Пчелы» Некрасов называет его «Христов человек» – так, как было принято в народе называть людей, близких Богу, угодивших Ему.

Стихотворение написано в традиционной для детской литературы форме беседы отца с сыном. Рассказывая сыну интересную для него историю, «притчу про пчелок», крестьянин-отец ненавязчиво передает ему свое любовное, «родственное» отношение к труженицам-пчелкам, ко всему живому, благодарность, которую он чувствует к прохожему за его мудрый совет. И слово отца оказывается услышанным сыном, падает на «добрую почву»:

Кушай на здоровье, будем с медком,
 Благослови Бог прохожего!
 Кончил мужик, осенился крестом;
 Мед с караваем парнишка докушал,
 Тягину притчу тем часом прослушал,
 И за прохожего низкий поклон
 Господу Богу отвесил и он (4 : 178).

Сосредоточившись в цикле детских стихотворений на светлых сторонах русской жизни, праведности в характере русского человека, крестьянина, Некрасов не обошел вниманием и то зло, которое он видел в нем самом и российских порядках. Об этом – стихотворение «Генерал Топтыгин». Начатое в тоне прибаутки, веселого рассказа:

Дело под вечер, зимой,
И морозец знатный.
По дороге столбовой
Едет парень молодой
Ямщикок обратный (III : 101) –

стихотворение выходит далеко за рамки анекдотической истории, перерастает в повествование, исполненное вовсе не забавного, а драматического смысла. Последнее связано прежде всего с образом станционного смотрителя, «маленького человека», который одновременно выступает и как жертва произвола, притеснений («нет ребра, зубов во рту не хватает многих»), и как обидчик по отношению к нижестоящим («а смотритель обругал ямщика скотиной»).

Сатирические образы, созданные Некрасовым в этом стихотворении, по своей поэтической силе могут быть поставлены в один ряд с образами, созданными М. Е. Салтыковым-Щедриным в его рассказах, которые первоначально также предназначались детям, хотя колорит некрасовского стихотворения в целом более светлый. Именно в сотрудничестве с Щедриным Некрасов намеревался создать книгу для детского чтения. О своем участии в предполагавшемся издании Щедрин говорил в примечании к своей «Повести о том, как один мужик двух генералов прокормил»: «Автор настоящих рассказов предполагает издать книжку для детского чтения, составленную из прозаических рассказов и стихотворений (последние принадлежат Н. А. Некрасову). Но предварительно он желал бы знать мнение публики, насколько его намерение осуществимо и полезно» (III : 436). Однако этому замыслу не суждено было осуществиться.

А стихотворения Некрасова для детей составили цикл, куда, в числе прочих, вошли произведения, получившие особое признание у юных и взрослых читателей многих поколений: «Дедушка Мазай и зайцы» и «Накануне светлого праздника».

Не ошибемся, если скажем, что в литературе для детей, даже русской классической, трудно было бы найти какое-либо описание русской деревни, которое по своей силе и проникновенности могло бы сравниться с её изображением в некрасовском «Дедушке Мазае»:

Летом ее убирая красиво,
Исстари хмель в ней родится на диво,
Вся она тонет в зеленых садах;
Домики в ней на высоких столбах
(Всю эту местность вода поднимает,
Так что деревня весною всплывает,
Словно Венеция) (III : 105–106).

Под стать красоте этой русской Венеции и сам Мазай: в нем удивительно органично соединились любящая отзывчивая душа, способность остро чувствовать кра-

соту природы (слышать, как «пеночка нежно поет») и отвага, смелость, решимость («за сорок верст в Кострому напрямик сбегать лесами ему нипочем»). Всю свою силу он, подобно русским, точнее, святорусским богатырям, полагает на защиту слабых. Мазай вдов, но имеет внука, очевидно, приемыша. Он же в своем преклонном возрасте не только справляется с тяжело нагруженной спасенными зайчишками лодкой, но еще цепляет бревно, на котором уселись чудом оставшиеся в живых зайчата.

В черновом варианте Некрасов одним штрихом, косвенно указал на источник, который «подпитывает» подобных людей:

Ну выгружайся, команда косая,
На берег по двое в ряд выгружайся!
Да поминай на молитве Мазая!.. (III : 328)

В окончательном варианте этих слов нет: характер Мазая говорит сам за себя.

На редкость светлое, гармоничное по своему настроению, стихотворение «Дедушка Мазай и зайцы», тем не менее, лишено какой-либо идилличности. И в этом стихотворении, как и в стихотворении «Генерал Топтыгин», поэт устами своего героя дедушки Мазая с горечью и болью говорит о зле, которое глубоко коренится в самой натуре человека – жестокости деревенских мужиков по отношению к слабым, беззащитным существам:

Зайцы вот тоже, – их жалко до слез!
Только весенние воды нахлынут,
И без того они сотнями гинут, –
Нет! еще мало! бегут мужики,
Ловят, и топят, и бьют их баграми.
Где у них совесть?.. (III : 108)

Впечатления, которые, по мысли исследователей, вероятно, были использованы в «Дедушке Мазая», в реальности – еще более тяжелые (7 : 64). Близко к действительности они описаны в повести «Тонкий человек»: «... десятка полтора мальчишек ловили зайцев, – били вдогонку палками или, мгновенно падая, давили их брюхом, причем несчастная жертва испускала раздирающий крик, подобный плачу ребенка» (там же). В своем стихотворении поэт не скрыл от юных читателей горькой правды, но приглушил, смягчил краски, исключил детали, которые могли бы травмировать ребенка, ранить его душу. И самое главное – дал эту картину в рассказе дедушки Мазая, показал через призму отношения к ней героя, характер которого считал типичным, одним из тех, которыми держится и движется русская жизнь.

Мысль об основах жизни русской деревни, истоках русского национального характера получила свое дальнейшее развитие в стихотворении «Накануне Светлого праздника», опубликованном в иллюстрированном сборнике А. Н. Якоби «Нашим детям» незадолго до Пасхи – 20 марта 1873 года (III : 441). В основе его сюжета – встреча лирического героя, самого поэта, который направляется из столицы в родные места, с крестьянами-отходниками.

В произведениях, посвященных детям и вошедших в детское чтение, Некрасов не раз писал об отходниках: в поэме «Крестьянские дети», например, упоминаются «копатель канав – вологжанин, лудильщик, портной, шерстобит...».

В «Накануне Светлого праздника» образы этих героев обретают зримые черты, яркие краски:

Вот пильщики: сайку
Угрюмо жуют
И, словно солдаты,
Все в ногу идут.
А пилы стальные
У добрых ребят,
Как рыбы живые,
На плечах дрожат (III : 114–115).

Нельзя не вспомнить К. И. Чуковского, который восхищался мастерством Некрасова, «пластикой» созданных им образов: «замечательная словесная живопись, вся проникнутая лирической нежностью» (8 : 203). Конечно же, «лирической нежностью», чувством любования близким и родным пронизаны все «портреты» некрасовских героев:

Смотрите: красильщик,
Узнаешь сейчас,
Нос выпачкан охрой
И суриком глаз... (III : 114)

Но все-таки было бы мало сказать, что Некрасов любит здесь рабочим людом, который, как и он сам, возвращается в родные деревни. Смысловым центром стихотворения является картина народного шествия к Божьему храму, чтобы принять участие в пасхальной литургии, – чудо-картина народного единения в порыве любви к Богу, веры в Его Воскресение:

У озера ярко
Горели костры, –
Туда направлялись,
Нарядны, пестры,

При свете горящей
Соломы, – толпы...
У Божьего храма
Сходились тропы, –

Народная масса
Сдвигалась, росла.
Чудесная, дети,
Картина была!.. (4 : 192)

Атмосфера радости, праздника, которой пронизано уже первое стихотворение цикла «Дядюшка Яков», в «Накануне Светлого праздника» достигает своего апогея. Здесь буквально все излучает свет, радует глаз, веселит сердце: церковь, которая стоит на берегу озера, яркие, пестрые наряды людей, направляющихся к ней, призывное гуденье колокола как бы в «ответ» на мысленный вопрос лирического героя, поэта, блики горящих костров... Вот такой великолепной картиной, образом

Божьего храма, увиденного не со стороны, а «внутренним» зрением, в момент, особо значимый для всякого православного христианина, – в самый канун Пасхи, Н. А. Некрасов и завершил свой цикл стихотворений для детей.

Библиографический список

1. Голубков В. В. Некрасов как писатель для детей // Учен. зап. Московск. гос. педагогич. Инст. Вып. I. М., 1939. С. 3–22.
2. Жданов В. Жизнь Некрасова. М., 1981.
3. Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. Т. 3. Л., 1981–2001. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.
4. Некрасов Н. А. Стихотворения. М., 2000.
5. Некрасов Н. К. По их следам, по их дорогам (Н. А. Некрасов и его герои). Ярославль, 1975.
6. Попов А. Н. А. Некрасов и Ярославская область // Некрасов Н. А. Избранные стихотворения. М.-Ярославль, 1937. С. 53–103.
7. Тарасов А. Некрасов в Карабихе. Ярославль, 1977.
8. Чуковский К. Мастерство Некрасова. М., 1971.

А. В. Павлов

*Костромской государственной
университет им. Н. А. Некрасова*

ЭКСПОЗИЦИЯ ГЕРОЯ В СТРУКТУРЕ ОБРАЗА И СЮЖЕТА (ПО КОМЕДИИ А. Н. ОСТРОВСКОГО «СВОИ ЛЮДИ – СОЧТЁМСЯ»)

Первая комедия А. Н. Островского была сразу же отмечена современниками как необыкновенно удачная и значимая. В. Ф. Одоевский назвал её в числе лучших трагедий (6 : 525), а П. В. Анненков отметил «потрясающее её действие» (1 : 531). Восторгов и оценок общего характера было много, но при жизни драматурга она редко привлекала внимание критики. Да и те немногочисленные авторы, которые обращались к комедии «Свои люди – сочтёмся», исключая, может быть, только А. В. Дружинина, искали в ней преимущественно социальную тематику, оставляя без внимания проблемы поэтики. Эта традиция сохранила свою направленность и в XX веке.

Между тем «потрясающее её действие» было талантливо организовано на самых разных уровнях, органически соединяло в себе лучшее, что накопила литературная драма, народная драма и народный театр. Соединение фольклорной и литературной традиций стало важным принципом художественных исканий Островского в ранний период творчества. Это позволило драматургу создать оригинальную систему образов не только за счёт новизны материала, что тоже очень важно, но и в результате умелого использования художественных средств, выработанных разными культурными традициями.

Ещё в классической трагедии для создания образа героя широко использовался приём экспозиции. Его даже считали типологическим признаком жанра.